

Мы – внуки блокадного Ленинграда

Мы – внуки блокадного Ленинграда. Наша бабушка, Наталья Борисовна Игнатьева, родилась в апреле 1941 года. Ей было всего три месяца, а её брату девять лет, когда началась Великая Отечественная война.

Их отец, Игнатьев Борис Максимович добровольцем ушёл на фронт в первые дни войны. Он погиб в 1942-ом, защищая родной Ленинград. И никогда не узнает, что его семья и город, оказавшись в тисках жестокой блокады, выстоят, не сдадутся врагу. Он был уверен в этом. Красная Армия, ленинградцы, весь советский народ совершили этот подвиг. А сын Миша в числе своих таких же малолетних друзей будет помогать на зенитной батарее. Первым учителем высшей математики в его девять лет станет 85-миллиметровая пушка из этой батареи. Он часто рассказывал нам о событиях тех лет, будучи уже профессором, учёным в области вычислительных систем и сетей связи. В нашем детском воображении его любимая пушка представлялась нам предметом одушевлённым, будто живая, и совсем как человек. Наверное, по-другому быть и не могло, потому что батарея и пушки стреляли по врагам, пытавшимся покорить наш великий город. Но разве можно нас покорить, когда на защиту против врагов поднимается весь народ и даже малые дети!?

Наш погибший прадед уже не узнает о том, что спустя годы после Победы, вырастет и выучится его дочка Наталья Борисовна. А её сын – Александр Вадимович Губин, женится на Елизавете Борисовне, и они оба станут известными врачами, и самое главное – у них родимся мы: Маша и Варя.

Мы жили на нашей малой родине в Санкт-Петербурге, потом переехали в Курган за Урал и сейчас мы живём в Москве. Совсем скоро, к нам в гости придет наша бабушка-блокадница Наталья Борисовна. Мы любим её всем сердцем и с нетерпением ждём.

Год назад неожиданно оборвалась жизнь её брата, нашего любимого дяди Михаила Борисовича. Он вёл активную и насыщенную жизнь даже в глубокой старости. Но вдруг схватился за сердце, и всё... Упал вдалеке от той большой войны маленький солдат зенитной батареи. Вот его рассказ, а, может, завещание нам,

внукам и правнукам блокадного Ленинграда: любить горячо нашу Родину и всегда защищать её от врагов. Завещание, оставленное нам в газетной вырезке. Мы передаём его всем вам, наши соотечественники.

Мария Губина, ученица 9 «О» класса, школы №1576
Варвара Губина, ученица 5»М» класса, школа №1576

Город Москва.

Моя война

Я родился в 1932 году в Ленинграде и перед началом войны жил на 2-м Муринском проспекте, 4, напротив завода «Светлана». Между нашим домом и «Светланой» был гигантский пустырь, где в августе 1941-го поставили зенитную батарею. Завод охранялся от налетов немецкой авиации, потому что имел важное стратегическое значение. Он был единственным предприятием в СССР, которое выпускало радиолампы для связи. Завод работал без выходных, день и ночь, а немцы старались его разрушить. И вот мы, мальчишки (мне тогда было девять лет), оказались на этой зенитной батарее, ради интереса. Нас никто оттуда не прогонял, в августе еще даже кормили из полковой кухни.

А потом налеты стали усиливаться, борьба за Ленинград ожесточалась, и почти всех солдат с батареи бросили в другое место. На каждой 85-миллиметровой зенитной пушке оставили по одному солдату, а чтобы ее заряжать, нужно было быть достаточно сильным человеком. Потом пригнали женщин подтаскивать снаряды из артиллерийского погреба. А мы, мальчишки, сидели в качестве наводчиков. Поступала команда «беглый заградительный огонь», затем диктовали азимут, угол возвышения, и нужно было как можно быстрее стрелять. Это был очень тяжелый труд. Человек пять мальчишек осуществляли наводку, вместе с женщинами и оставшимися солдатами стреляли. Командиру батареи по телефону сообщали, откуда ждать налет, и он в соответствии с этим давал команду. Снаряд должен был взорваться на определенной высоте, поэтому требовалось установить так называемую «трубку». В итоге перед немецкими самолетами вырастала стена зенитного огня. Они разворачивались, сбрасывали бомбы куда попало.

Мы были замкнуты в этом маленьком мире: дом — батарея, и все. В школу уже никто

не ходил, хотя я должен был учиться в третьем классе, но мы были полностью заняты на батарее. Август, сентябрь и октябрь мы там очень активно работали. Нас сильно закутывали, так как сидели рядом со стволом, и можно было оглохнуть. В сентябре налеты шли непрерывно: и днем, и ночью. И персонал батареи был измотан донельзя. Люди после отбоя буквально падали от усталости.

А вторая наша задача заключалась в борьбе с диверсантами. Когда ночью начинался налет, со всех сторон летели ракеты, чтобы показать немцам, где находится завод. Было множество диверсантов, на пустыре около нашего дома они и располагались. Убитых диверсантов выставляли около булочной с табличкой «диверсант» или «шпион». Но их было довольно трудно поймать, они оставляли ракетницы на пустыре; нам поручали обшаривать пустырь, находить ракеты и ракетницы. И мы их находили и тем

самым уменьшали количество диверсий.

В октябре немцы сосредоточили усилия на взятии Москвы, и количество налетов сократилось. Но тут пришли холода и голод. Мой отец был лесным инженером, а во время войны — командиром взвода тяжелой артиллерии. Он ушел на фронт в первый день войны, а в мае 1942-го погиб под Ленинградом. В апреле сорок первого у меня родилась сестренка, это очень важный момент для семьи. Мама отдавала все силы, чтобы спасти девочку. Наша бабушка была очень мудрой и запасливой, и как только началась война, она стала заготавливать продукты и дрова, но все равно этого не хватало, голод усиливался. В марте сорок второго по домам стали ходить комиссии, смотрели, кто умер, а кому нужна срочная помощь. Пришли к нам: мать отправили в диспансер для дистрофиков, меня в один детский дом, а маленькую сестренку с бабушкой — в другой, для грудных детей. Так началась моя детдомовская жизнь.

Летом сорок второго нас эвакуировали через Ладогу, и дальше я жил в детском доме в Горьковской области. Запомнилась очень хорошая атмосфера, мы много работали. У нас висела гигантская карта Европы и СССР, и отмечать линию фронта было почетной обязанностью — в награду за хорошее поведение. В итоге мы знали географию на зубок. А в 1945-м я вернулся в Ленинград. Мать умерла, мы стали жить с бабушкой и сестрой. А 85-миллиметровая пушка для меня как родная и сегодня, знаю ее на ощупь. Потом я изучал ее строение в Политехническом институте, и еще на полигонах вместе с ней упражнялись, поэтому можно сказать, что эта пушка прошла через всю мою жизнь.

**МИХАИЛ БОРИСОВИЧ ИГНАТЬЕВ,
ПРОФЕССОР КАФЕДРЫ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫХ
СИСТЕМ И СЕТЕЙ**